

ЭРИХ ФРОММ

БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 159.9
ББК 88.5
Ф91

Серия «Эксклюзивная классика»

Erich Fromm

ESCAPE FROM FREEDOM

Перевод с английского: *Г. Швейник*

Серийное оформление *Е. Ферез*

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm
and Annis Fromm и литературного агентства
Lierman AG, Literary Agency.

Фромм, Эрих.

Ф91 Бегство от свободы / Эрих Фромм ; [пер. с
англ. Г. Швейник]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-089845-9

Эрих Фромм — выдающий мыслитель XX века, один из основателей неотрейдизма. Работы Фромма пользуются широчайшей популярностью во всем мире — еще при жизни основные его труды, посвященные этическим и социально-психологическим вопросам природы человека, выдержали десятки переизданий миллионными тиражами.

В своей знаменитой работе «Бегство от свободы» Эрих Фромм попытался разобраться, почему, несмотря на изобилие материальных благ и демократические достижения, люди все чаще испытывают соблазн отказаться от своей свободы в пользу политической диктатуры... превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат.

УДК 159.9
ББК 88.5

© Erich Fromm, 1941

© Перевод. Г. Швейник, наследники, 2010

ISBN 978-5-17-089845-9 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Если я не стою за себя, то кто встанет за меня?

Если я только за себя, то кто я? Если не сейчас, то когда?

Изречение из Талмуда, Мишна, Абот

Ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным не сотворил я тебя, так что можешь быть свободен по собственной воле и совести — и сам себе будешь творец и создатель. Лишь тебе даровал я расти и меняться по собственной воле твоей. Ты несешь в себе семя вселенской жизни.

*Пико дела Мирандола.
«Речь о достоинстве человека»*

Итак, изменить можно все, кроме врожденных и неотъемлемых прав человека.

Томас Джефферсон

Глава 1

СВОБОДА — ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА?

Новую историю Европы и Америки обусловили усилия, направленные на завоевание свободы от политических, экономических и духовных оков, которые связывали человека. Угнетенные, мечтавшие о новых правах, боролись за свободу против тех, кто отстаивал свои привилегии. Но когда определенный класс стремился к своему собственному освобождению, он верил, что борется за свободу вообще, и таким образом мог идеализировать свои цели, мог привлечь на свою сторону всех угнетенных, в каждом из которых жила мечта об освобождении. Однако в ходе долгой, по существу, непрерывной борьбы за свободу те классы, которые поначалу сражались против угнетения, объединялись с врагами свободы, едва лишь победа была завоевана и появлялись новые привилегии, которые нужно было защищать.

Несмотря на многочисленные поражения, свобода в целом побеждала. Во имя ее победы погибло много борцов, убежденных в том, что лучше умереть за свободу, чем жить без нее. Такая гибель была наивысшим утверждением их личности. Казалось, история уже подтвердила, что человек способен управлять собой, сам принимать решения, думать и чувствовать так, как ему кажется верным. Полное развитие способностей человека казалось той целью, к кото-

рой быстро приближал процесс общественного развития. Стремление к свободе выразилось в принципах экономического либерализма, политической демократии, отделения церкви от государства и индивидуализма в личной жизни. Осуществление этих принципов, казалось, приближало человечество к реализации данного стремления. Оковы спадали одна за другой. Человек сбросил иго природы и сам стал ее властелином; он сверг господство церкви и абсолютистского государства. *Ликвидация внешнего принуждения* казалась не только необходимым, но и достаточным условием для достижения желанной цели — свободы каждого человека.

Первую мировую войну многие считали последней битвой, а ее завершение — окончательной победой свободы: существовавшие демократии, казалось, усилились, а взамен прежних монархий появились новые демократии. Но не прошло и нескольких лет, как возникли новые системы, перечеркнувшие все, что было завоевано веками борьбы, казалось, навсегда. Ибо сущность этих новых систем, практически полностью определяющих и общественную, и личную жизнь человека, состоит в подчинении всех совершенно бесконтрольной власти небольшой кучки людей.

На первых порах многие успокаивали себя мыслью, что победы авторитарных систем обусловлены сумасшествием нескольких личностей и что как раз это сумасшествие и приведет со временем к падению их режимов. Другие самодовольно полагали, что итальянский и германский народы прожили в демократических условиях слишком недолгий срок и поэтому надо просто подождать, пока они достигнут политической зрелости. Еще одна общепринятая иллюзия — быть может, самая опасная из всех — состояла в убеждении, что люди вроде Гитлера якобы за-

хватили власть над государственным аппаратом лишь при помощи вероломства и мошенничества, что они и их подручные правят, опираясь на одно лишь грубое насилие, а весь народ является беспомощной жертвой предательства и террора.

За годы, прошедшие со времени победы фашистских режимов, ошибочность этих точек зрения стала очевидной. Нам пришлось признать, что в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее; что они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться; что другие миллионы были при этом безразличны и не считали, что за свободу стоит бороться и умирать. Вместе с тем мы поняли, что кризис демократии не является сугубо итальянской или германской проблемой, что он угрожает каждому современному государству. При этом совершенно несущественно, под каким знаменем выступают враги человеческой свободы. Если на свободу нападают во имя антифашизма, то угроза не становится меньше, чем при нападении во имя самого фашизма¹. Эта мысль настолько хорошо выражена Джоном Дьюи, что я приведу здесь его слова:

«Серьезная опасность для нашей демократии состоит не в том, что существуют другие, тоталитарные государства. Опасность в том, что в наших собственных личных установках, в наших собственных общественных институтах существуют те же предпосылки, которые в других государствах привели к победе внешней власти, дисциплины, единообразия и зависимости от вождей. Соответственно поле боя нахо-

¹ Я употребляю термин «фашизм» для определения диктатуры типа итальянской или германской. В случае рассмотрения именно германской системы будет употребляться термин «нацизм».

дится и здесь, в нас самих, и в наших общественных институтах»¹.

Если мы хотим бороться с фашизмом, то мы должны его понимать. Домыслы нам не помогут, а повторение оптимистических формул столь же неадекватно и бесполезно, как ритуальный индейский танец для вызывания дождя.

Кроме проблемы экономических и социальных условий, способствовавших возникновению фашизма, существует и проблема человека как таковая, которую также нужно понять. Целью настоящей книги как раз и является анализ тех динамических факторов в психике современного человека, которые побуждают его добровольно отказываться от свободы в фашистских государствах и которые так широко распространены в миллионных массах нашего собственного народа.

Когда мы рассматриваем человеческий аспект свободы, когда говорим о стремлении к подчинению или к власти, прежде всего возникают вопросы.

Что такое свобода в смысле человеческого переживания? Верно ли, что стремление к свободе органически присуще природе человека? Зависит ли оно от условий, в которых живет человек, от степени развития индивида, достигнутого в определенном обществе на основе определенного уровня культуры? Определяется ли свобода одним лишь *отсутствием* внешнего принуждения или она включает в себя и некое *присутствие* чего-то, а если так, чего именно? Какие социальные и экономические факторы в обществе способствуют развитию стремления к свободе? Может ли свобода стать бременем, непосильным для человека, чем-то таким, от чего он старается из-

¹ Dewey John. Freedom and Culture. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939.

бавиться? Почему для одних свобода — это заветная цель, а для других — угроза?

Не существует ли — кроме врожденного стремления к свободе — и инстинктивной тяги к подчинению? Если нет, то как объяснить ту притягательность, которую имеет сегодня для многих подчинение вождю? Всегда ли подчинение возникает по отношению к явной внешней власти или возможно подчинение интериоризованным авторитетам, таким как долг и совесть, либо анонимным авторитетам вроде общественного мнения? Не является ли подчинение источником некоего скрытого удовлетворения; а если так, то в чем состоит его сущность?

Что пробуждает в людях ненасытную жажду власти? Сила их жизненной энергии или, наоборот, слабость и неспособность жить независимо от других? Какие психологические условия способствуют усилению этих стремлений? Какие социальные условия в свою очередь являются основой для возникновения этих психологических условий?

Анализ человеческих аспектов свободы и авторитаризма вынуждает нас рассмотреть ту роль, которую играют психологические факторы в качестве активных сил процесса общественного развития, а это приводит к проблеме взаимодействия психологических, экономических и идеологических факторов. Любая попытка понять ту притягательность, какую имеет фашизм для целых наций, вынуждает нас признать роль психологических факторов. Здесь мы имеем дело с политической системой, которая, по существу, опирается отнюдь не на рациональные силы человеческого личного интереса. Она пробуждает в человеке такие дьявольские силы, в существование которых мы вообще не верили либо считали их давным-давно исчезнувшими.

В течение последних веков общераспространенное мнение о человеке состояло в том, что человек — разумное существо, деятельность которого определяется его интересами и способностью поступать в соответствии с ними. Даже авторы вроде Гоббса, считавшие жажду власти и враждебность движущими силами человеческого поведения, объясняли наличие этих сил как логический результат личных интересов. Поскольку люди равны и одинаково стремятся к счастью, говорили они, а общественного богатства недостаточно, чтобы удовлетворить в равной степени всех, то неизбежна борьба; люди стремятся к власти, чтобы обеспечить себе и на будущее все то, что они имеют сегодня. Но схема Гоббса устарела. Средний класс добивался все больших успехов в борьбе с властью прежних политических и религиозных владык, человечество все больше преуспевало в овладении природой. Все прочнее становилось экономическое положение миллионов людей, и вместе с тем все больше укреплялась вера в разумность мира и в разумную сущность человека. Темные и дьявольские силы в человеческой натуре были отосланы к Средневековью либо к еще более отдаленным временам и объяснялись недостатком в те времена знаний или коварными происками священников и королей.

На те периоды истории оглядывались, как на потухший вулкан, давно уже неопасный. Все были уверены, что те зловещие силы полностью уничтожены достижениями современной демократии; мир казался ярким и безопасным, словно залитые светом улицы современных городов. Войны казались последними реликтами давних времен; не хватало лишь еще одной, самой последней, чтобы покончить с ними навсегда. Экономические кризисы считались случайностями, хотя эти случайности и повторялись регулярно.

Когда фашизм пришел к власти, люди в большинстве своем не были к этому готовы. Ни теоретически, ни практически. Они были не в состоянии поверить, что человек может проявить такую предрасположенность к злу, такую жажду власти, пренебрежение к правам слабых — и такое стремление к подчинению. Лишь немногие слышали клочотание вулкана перед извержением. Благодушный оптимизм XIX века потревожили — с очень разных позиций — Ницше и Маркс; несколько позже прозвучало предостережение Фрейда. По сути дела, Фрейд и его ученики имели лишь очень наивное представление о процессах, происходящих в обществе; большинство его попыток приложения психологии к социальным проблемам вело к ошибочным построениям; но, посвящая свои интересы исследованию индивидуальных психических и умственных расстройств, он вел нас на вершину вулкана и заставлял смотреть в бурлящий кратер.

Никто до Фрейда не уделял такого внимания наблюдению и изучению иррациональных, подсознательных сил, в значительной мере определяющих человеческое поведение. Он и его последователи в современной психологии не только открыли подсознательный пласт в человеческой психике — само существование которого отрицалось рационалистами, — но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определенным законам и потому их можно вполне рационально объяснить. Он научил нас понимать язык снов и соматических симптомов, язык несообразностей в человеческом поведении. Он открыл, что эти несообразности — как и вся структура характера — представляют собой реакции на воздействия внешнего мира, особенно на те, которые имели место в раннем детстве.

Но Фрейд был настолько проникнут духом своей культуры, что не смог выйти за определенные, обусловленные ею границы. Эти границы не позволяли ему понять даже некоторых его больных и мешали ему разобраться в нормальных людях, а также в иррациональных явлениях общественной жизни.

Поскольку эта книга подчеркивает роль психологических факторов в общем процессе общественного развития и поскольку данный анализ основан на некоторых фундаментальных открытиях Фрейда — в частности, на роли подсознательных сил в человеческом характере и на зависимости этих сил от внешних воздействий, — я полагаю, что читателю будет полезно прежде всего ознакомиться с основными принципами нашего подхода к проблеме и с главными различиями между этим подходом и классическими концепциями Фрейда¹.

Фрейд принял традиционную установку, противопоставляющую человека и общество, а также традиционную доктрину о порочности человеческой натуры. По Фрейду, человек в своей основе антисоциален. Общество должно приручать его, позволять ему какое-то удовлетворение его биологических — и поэтому непреодолимых — потребностей; но главная задача общества состоит в очищении и ограничении основных, низменных импульсов человека. В результате такого подавления этих импульсов происходит нечто волшебное: подавленные наклонности превращаются в стремления, имеющие культурную

¹ Психоаналитический подход, хотя и основанный на фундаментальных достижениях теории Фрейда, но отличающийся во многих важных аспектах от концепций самого Фрейда, можно найти в работах К. Хорни «Новые пути в психоанализе» и Г. Салливена «Концепции современной психиатрии». Хотя подходы этих авторов в ряде отношений различны, наша точка зрения имеет много общего с их взглядами.

ценность, и таким образом становятся основой культуры. Этот странный переход от подавленного состояния к цивилизованному поведению Фрейд обозначил словом «сублимация». Если степень подавления сильнее способности к сублимации, то индивиды становятся невротиками и подавление нужно ослабить. Но вообще существует обратная зависимость между удовлетворением человеческих стремлений и культурой: чем больше подавление, тем больше достижений культуры (и больше опасность невротических расстройств). В теории Фрейда отношение индивида к обществу является, по существу, статичным: индивид остается, в общем, одним и тем же, изменяясь лишь постольку, поскольку общество усиливает нажим на его естественные наклонности (тем самым принуждая к большей сублимации) либо допускает их более полное удовлетворение (тем самым приносит в жертву культуру).

Фрейд не избежал ошибки своих предшественников, формулировавших так называемые основные инстинкты человека. Его концепция человеческой природы является в основном отражением тех важнейших стремлений, которые проявляются в современном человеке. В концепции Фрейда индивид его культуры представляет «человека» вообще; а страсти и тревоги, характерные для человека в нашем обществе, возводятся в ранг неизменных сил, коренящихся в биологической природе человека.

Можно привести множество примеров, иллюстрирующих сказанное (например, рассмотреть социальную основу враждебности в современном человеке, эдипова комплекса, или так называемого комплекса кастрации у женщин), но я хотел бы остановиться только на одном, поскольку это важно для всей концепции человека как существа социального. Фрейд всегда рассматривает человека в его отноше-

ниях с другими, но эти отношения представляются ему аналогичными тем экономическим отношениям, какие характерны для капиталистического общества. Каждый работает для себя, сам по себе, на свой риск и — первоначально — вне сотрудничества с остальными. Но он не Робинзон Крузо; ему эти остальные необходимы как покупатели, рабочие или работодатели; он должен покупать и продавать, давать и брать. Эти отношения регулируются рынком, идет ли речь о товарах или о рабочей силе. Таким образом индивид, первоначально одинокий, входит в экономические отношения с другими людьми для достижения лишь одной цели — продать или купить. Фрейдова концепция человеческих отношений, по сути, копирует систему отношений экономических. Индивид является нам с полным набором биологически обусловленных потребностей, которые должны быть удовлетворены. Чтобы их удовлетворить, индивид вступает в отношения с другими. Таким образом, другие всегда являются «объектами», служат лишь средством для достижения цели: для удовлетворения каких-то стремлений, которые существуют в индивиде до того, как он вошел в контакт с другими. Поле человеческих взаимоотношений, по Фрейду, аналогично рынку; оно определяется обменом удовлетворения биологических потребностей. При этом связь с другим индивидом всегда является лишь средством достижения цели, а не целью как таковой.

В противоположность точке зрения Фрейда анализ, предложенный в этой книге, основан на предположении, что ключевой проблемой психологии является особого рода связанность индивида с внешним миром, а не удовлетворение или фрустрация тех или иных человеческих инстинктивных потребностей. Более того, мы предполагаем, что связь между человеком и обществом не является статичной. Нель-

зя представлять дело так, будто с одной стороны мы имеем индивида с определенным набором естественных потребностей, а с другой — отдельно и независимо от него — общество, которое эти потребности удовлетворяет или подавляет. Конечно, существуют определенные потребности, общие для всех, обусловленные природой, — голод, жажда, секс, — но те стремления, которые приводят к различию человеческих характеров, — любовь или ненависть, жажда власти или тяга к подчинению, влечение к чувственному наслаждению или страх перед ним, — все они являются продуктами социального процесса. Самые прекрасные, как и самые уродливые, наклонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности. Иными словами, общество осуществляет не только функцию подавления, хотя и эту тоже, но и функцию созидания личности. Человеческая натура — страсти человека и тревоги его — это продукт культуры; по сути дела, сам человек — это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей.

Главная задача социальной психологии состоит как раз в том, чтобы понять процесс формирования человека в ходе истории. Почему происходят изменения в человеческом характере при переходе от одной исторической эпохи к другой? Почему дух Возрождения отличается от духа Средневековья? Почему человеческий характер в условиях монополистического капитализма уже не таков, каким был в XIX веке? Социальная психология должна объяснить, почему возникают новые способности и новые страсти, хорошие и дурные. Так, например, мы обнаруживаем, что с эпохи Возрождения и до наших дней люди преисполнены пылким стремлением к славе. Это стрем-